

Валентин ПЕПЕЛЯЕВ

■ Белорусский художник-сценограф, обладатель престижных премий «Золотая маска», «Золотой софит», «Чайка» - о солисте группы «Ленинград», успешных земляках и новых форматах.

РЕЖИССЕРАМ МНОГОЕ ПРОЩАЮ

- Вы можете взять на себя смелость воплотить на сцене любой замысел?

- Без иллюзий: всегда есть бюджет, и он очень жестко должен соблюдаться. Да, возможности у Большого или Мариинки немалые. Там работает огромное количество профессионалов, которые помогают воплощать замыслы. Люблю большие пространства, но... работаю не с пространствами, а с людьми.

- Что важнее - профессиональные или человеческие качества режиссера?

- Обычно режиссер - это человек с невыносимым характером. Энергетический вампир, так как всю свою энергию он отдает артистам, и ее нужно пополнять. Режиссеры - люди сложные, иногда неадекватные, которые творят безобразные вещи. Поверьте, всякое видел. Театр - это всегда насилие. Режиссер навязывает свою волю коллективу. Он несет ответственность за неудачу, он крайний, все срывы происходят... от страха. Я им многое прощаю. У режиссеров с годами портится характер, потому что они все время в состоянии конфликта с миром и собой. Театральные цеха вечно хотят сделать проще и быстрее. А ведь даже у режиссера есть репетиции, он может что-то переделать. Но у художника их нет. Я до последнего сомневаюсь.

ПРО ОРДЕНА ЗАБУДЬТЕ СРАЗУ

- «Золотая маска», другие награды помогают?

Зиновий МАРГОЛИН: СЕРГЕЙ ШНУРОВ ДАЖЕ В ОПЕРЕ ХОРОШ И «ЯДОВИТ»

- Регалии в театре никого не интересуют. Если сделал плохую работу, тебе могут простить это один раз, второй, но в третий раз уже не позвуют. В творчестве, как в спорте: надо выдавать результат. А никакого органа, «механизма», который я могу настроить и приказать себе придумать крутой спектакль, нет. Все происходит в болтовне с режиссером и часто при странных обстоятельствах. Каждый раз, когда приступаю к проекту, нахожусь в состоянии легкой паники. Тут никакие «Золотые маски» не помогают. Про все «ордена» нужно забыть сразу. Это все приятно 45 секунд, когда тебе их вручают. Через час вспоминаешь, что еще три проекта на столе и что с ними делать?

Что такое премьера для художника? Это счастье, потому что работа сделана, и папку можно переместить в архив. Но на рабочем столе еще десять папок, и ты так тоскливо смотришь на них и понима-

ешь, что их нужно сдавать, а ты еще ничего не придумал...

- Вы тяготеете к костюмному театру?

- Ни к чему не тяготею. Есть четыре-пять режиссеров, с которыми работаю. А они не очень-то воспринимают театр друг друга. Василий Бархатов, Евгений Писарев и Борис Эйфман - режиссеры очень разной эстетики, разного понимания сути театра. Кама Гинкас как-то сказал: «Не хожу на чужие спектакли, потому что если спектакль хороший, я расстраиваюсь, а если нехороший - еще больше расстраиваюсь».

ШНУР - ПОЭТ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

- А расскажите про премьеру «Бенvenuto Челлини» с Сергеем Шнуровым в Мариинке. Зачем взяли Шнура в оперу на разговорную роль?

- Мы выпускали этот спектакль в 2007 году, и сейчас возобновили. Сергей - человек

territorivafest.com

ДОСЬЕ «СВ»

Зиновий Марголин родился в 1960 году в Минске. Окончил Белорусский театрально-художественный институт. В 1988 - 1998 годах был главным художником Государственного молодежного театра РБ.

После два года работал в театре «Санкт-Петербург Опера». Сделал сценографию для премьер Мариинки («Отелло»), Большого театра («Свадьба Фигаро», «Севильский цирюльник»), Театра имени Пушкина («Апельсины и лимоны», «Женитьба Фигаро») и других. Лауреат многочисленных театральных премий.

очень образованный, с хорошим русским языком и блестящими мозгами. Образ на концертах это просто его роль. Он филолог, окончил университет, а до этого учился в духовной семинарии. Интереснейший собеседник. Невероятно тонкий. Его можно приглашать куда угодно, в любой роли будет хорош - умный артист. У каждого времени - свои поэты.

- Шнуров - современная са-тира?

- Конечно. И «Ленинград» -

это ощущение нынешнего времени. Сейчас в театре и литературе практически нет трагических героев. В 1970-е годы они были на сцене. А современный герой? Закомплексованный персонаж с мучениями и внутренними сомнениями. Трудно представить главного героя с открытым темпераментом, который говорит какие-то правильные фразы. Молодые актеры не знают, как такое играть. Стесняются открыто выражать чувства. Сережа в этом отношении, как нынешнее время, очень «ядовитый». Вот такая сегодняшняя правда.

- Режиссеры не принимают творчество друг друга. А как насчет художников? Вы принимаете Александра Шишкина, Сергея Бархина?

- Не просто принимаю - люблю. Художники вообще более консолидированное и лояльное сообщество. Чувствую себя успешным человеком, и у меня нет никаких проблем с успехом товарищей. Шишкин - это мое поколение. Бархину за 80... Есть и другие безумно талантливые. Маша Трегубова, например. Почему мне не радоваться за них? Нам всем хватает работы.

Личный архив Зиновия Марголина

«ПОДКЛЮЧЕН К ТЕАТРУ, КАК К КАПЕЛЬНИЦЕ»

- Вы испытывали чье-то влияние на себе?

- Если бы я не увидел когда-то театр на Таганке, наверное, вообще не пошел бы работать в театр. Давид Боровский для меня до сих пор самая крупная фигура не только как сценограф, но и как личность. Безупречный человек. А профессии меня научил Борис Герлован. Я попал к нему после института в минский Купаловский театр. Ничего не знал и не умел, ведь учился не на сценографа, а черт знает на кого, окончил отделение визуальных коммуникаций и выставок и сбежал в театр. Мои однокурсники после распределения годами проектировали дверцу от холодильника. А по вечерам пили от безнадёги водку. Так что театр меня спас. Пришел макетчиком к Герловану. В Беларуси Борис Федосеевич - центральная фигура, большой художник,

никого крупнее там нет. Очень ему благодарен. Просидел возле него пять лет и до сих пор помню все, что он мне говорил о профессии. Интернета не было, показывал мне журналы с работами Бархина, Кочергина, Шейнциса...

Театр - это огромный и очень разнообразный мир. Я к нему подключен, как к капельнице. Мне когда-то Герлован сказал: «Запомни, театр - это мода». Я не сразу понял смысл. Ведь суть («про что?») не меняется. Меняется форма («как?»). Нужно чувствовать, что сейчас на пике моды.

Когда я работал в Белорусском государственном молодежном театре и у нас только-только началось общение с Западом, приехал ставить спектакль худрук молодежного театра из Мангейма: «Будет пьеса для молодежи о контрацептивах!» Мы хохочем: «Чего?» Он удивился: «Вы что, не понимае-

УЧИТЕЛЯ

те? Это же мировая проблема! СПИД! Человечество погибает!» Смотрел на нас как на сумасшедших, а мы - на него. Театр же для другого! Мы так считали... А сейчас понимаю, что театр - для всего. Появились новые вызовы. Раньше было пять видов театра, а сейчас - пятьсот...

- А не уходит из-за социального крена из театра его магия?

- В тот момент, когда на сцене «Театра.doc» идет вербатим, в Большом театре танцуют «Жизель». Каждый зритель ходит за своей правдой. У Эйфмана я занимаюсь одним театром, у Писарева - другим, у Бархатова - третьим. Скоро будет проект в Гамбурге - на стыке жанров. Все это не мешает друг другу.

- Встречаете в бурном театральном море успешных земляков?

- Очень много. Ведущая солистка

балета Эйфмана Люба Андреева работала в белорусском балете. На ней сейчас там держится почти весь репертуар. В Мариинском работает Владислав Сулимский из Молодечно. До сих пор ездит на машине с белорусскими номерами.

Павел Янковский из Барановичей перешел из новосибирского театра в Мариинский. Я с ним выпускал «Хованщину» в Базеле. Спросил: «Павел, а почему ты не поешь хотя бы раз в году в Минске?» Отвечает: «А меня никто и не приглашает...» Хлопец из Барановичей поет в Мариинском! Пел Риголетто у Тимофея Кулябина в Вуппертале.

- Почему вы уехали из Минска?

- Наверное, почувствовал профессиональный потолок. Думал, что можно жить в Минске и работать в Москве. Но это невозможно: чтобы тебя звали в московские проекты, ты должен быть здесь, иначе место обязательно займут.